

написано о Песни песней в последние два-три десятилетия. По-моему, ничего хорошего в этой эксплицитной идеологичности и ангажированности нет. Научная дискуссия из совместного обсуждения гипотез превращается в обмен декларациями. Нечего и пытаться переубедить друг друга, если предполагается, что и у меня, и у оппонента есть веские вненаучные причины думать так, а не иначе.

В первых строках книги Кингзмилл сообщает читателю, что уже более 40 лет она монахиня. Это обстоятельство биографии автора совершенно не заслуживало бы упоминания в данной рецензии, если бы сама Кингзмилл не подчеркивала значимость этого факта. Пожалуй, судьба монахини делает по-человечески понятным интерес к мистической традиции. Вероятно, было бы более продуктивно в таком случае изучать рецепцию Песни песней в христианской и иудейской мистической литературе, а не пытаться навязать мистический смысл самому древнееврейскому тексту. Впрочем, и романтическое желание найти в библейском авторе собрата по аскетизму тоже можно понять. Удручающее впечатление производит не сам аскетизм, а воинствующее непризнание всего, что находится за его рамками. Это мешает Кингзмилл отнестись с интересом к целому спектру гуманистических толкований Песни песней, предложенных учеными Нового времени. «Если Песнь песней говорит о любовной паре, состоящей из двух юных и здоровых людей (a pair of lusty lovers), то она имеет значение лишь для узкого круга тех, кто принадлежит к этой категории, да и то лишь до тех пор, пока чувственность сохраняет силу (хотя, конечно, воображение, по-видимому, сохраняет *свою* силу до конца жизни)». Полупризнание в скобках звучит почти обезоруживающе. И все-таки жалко и немного удивительно, что Кингзмилл отказывается в общечеловеческом значении сюжету об «a pair of lusty lovers». Хочется спросить: а «Ромео и Джульетта» тоже только для молодежи?

Я. Д. Эйделькинд
(РГГУ)

Tellbe M. Christ-Believers in Ephesus. A Textual Analysis of Early Christian Identity Formation in a Local Perspective. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009 (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament; 242). X, 363 S.

Эфес — крупнейший центр христианской жизни во второй половине I — начале II в. Неслучайно исследования, посвященные тем или иным аспектам эфесского христианства в указанный период, выходят из-под пера ученых-новозаветников в весьма большом количестве. Из трудов последних лет достаточно указать хотя бы на монографии Пола Требилко и Штефана Витечека¹. Основная проблема, встающая перед любым исследователем раннего христианства в Эфесе, заключается в его многообразии: здесь присутствуют как Павлова, так и Иоаннова

¹ *Trebilco P. The Early Christians in Ephesus from Paul to Ignatius. Tübingen, 2004; Witetschek S. Ephesische Enthüllungen 1: Frühe Christen in einer antiken Großstadt zugleich ein Beitrag zur Frage nach den Kontexten den Johannesapokalypse. Leuven, 2008.*

традиции, при том что с городом связана деятельность и таких самостоятельных и своеобразных проповедников, как, например, Аполлос². Сложность местной церковной ситуации усугубляется еще и сосуществованием христиан из иудеев и язычников в городе, в котором, с одной стороны, процветает языческая культура, и в частности религиозность (культ Артемиды, императорский культ и т. д.), а с другой стороны, проживает крупная иудейская община. Наконец, в Эфесе засвидетельствовано наличие разного рода лжеучений. Каким образом взаимодействовали различные составляющие эфесского христианства, как это взаимодействие привело к появлению единой, цельной и монолитной церковной общины в городе? На этот вопрос в той или иной форме пытаются ответить все исследователи раннехристианского Эфеса, эта же проблематика рассматривается и в являющейся предметом настоящей рецензии книге шведского исследователя Микаэля Телльбе, посвященной анализу того, каким образом эфесские христиане понимали и выражали свою идентичность.

Труд Телльбе состоит из пяти глав, за которыми следуют библиографический список и стандартные указатели. Ключевой для данного исследования характер проблемы самоопределения эфесских христиан отражен в том, что название каждой из глав включает в себя слово «identity». В первой главе (с. 1–56) исследователь рассматривает общий вопрос: насколько разнообразным было раннехристианское движение в Эфесе? Телльбе обзорекает здесь точки зрения по данному вопросу предшествующих ученых, дает им оценку и обосновывает собственные позиции. Он отмежевывается от крайностей — таких, например, как утверждение о наличии в Эфесе лишь какого-то одного направления, или «школы»³, или представление основанной ап. Павлом эфесской общины как состоящей по преимуществу из обратившихся ко Христу иудеев⁴ — и постулирует сосуществование в Эфесе к концу I в. различных христианских групп, представляющих разные «традиции». При этом шведский ученый высказывает большую осторожность в вопросе о возможной историко-социальной реконструкции этих общин, характеризуя свою позицию в этом отношении как «пессимистическую» (с. 47). Тексты, на основании которых мы получаем представление о христианских общинах, не столько отражают их жизнь, сколько формируют ее. Поэтому и все исследование Телльбе посвящено не столько реконструкции жизни эфесских христиан, сколько анализу формирующих их идентичность идей, представленных в определяющих их сознание текстах, круг которых исследо-

² Здесь следует отметить, что само понятие иоанновской традиции в современной науке является содержащим в себе проблему ввиду разногласий суждений о разных носителях имени «Иоанн» — реальных или гипотетических, — стоящих за теми или иными творениями новозаветного иоанновского корпуса.

³ Ср.: *Thiessen W.* Christen in Ephesus. Die historische und theologische Situation in vorpaulinischer und paulinischer Zeit und zur Zeit der Apostelgeschichte und Pastoralbriefe. Tübingen, 1995 (здесь игнорируется иоанновская традиция); *Günther M.* Die Frühgeschichte des Christentums in Ephesus. Göttingen, 1995 (здесь утверждается основополагающая и решающая роль Аполлоса в создании эфесской общины, незначительность роли Павла в этом деле, последующий упадок «Аполлосова-Павлова» течения и чуть ли не «возрождение» христианства в Эфесе «пресвитером Иоанном» после 70 г.).

⁴ *Srelan R.* Paul, Artemis and the Jews in Ephesus. B., 1996.

ватель очерчивает в конце первой главы. Относящимися в той или иной мере к Эфесу памятниками он считает Послания ап. Павла к Тимофею⁵, Послания ап. Иоанна, Апокалипсис⁶ и Послание к Ефессянам сщмч. Игнатия Богоносца. Послание к Ефессянам ап. Павла и Евангелие от Иоанна Телльбе квалифицирует как творения, предназначенные для более широкой аудитории и не имеющие специального отношения к жизни эфесских христиан, поэтому он выводит их за рамки своего исследования.

Вторая глава (с. 57–136) посвящена рассмотрению вопроса о самоопределении эфесских христиан по отношению к иудейству. После анализа того, каким образом самоидентификация осуществлялась в иудейской диаспоре, в частности в Эфесе, автор кратко останавливается на свидетельстве Деяний апостолов об иудейских корнях христианства в городе, а затем рассматривает отражение основной проблемы данной главы в христианских текстах, причем к означенному выше их кругу в данном случае добавляются свидетельства Иустина Философа, Ириней Лионского и Поликрата Эфесского. Телльбе отмечает, что все рассматриваемые новозаветные тексты так или иначе вовлечены в процесс отмежевания от иудейства, причем чем интенсивнее становится конфликт с иудейством, тем активнее авторы используют иудейские категории для обозначения христиан (ярчайший пример в этом отношении — Апокалипсис). Вместе с тем в данных текстах отсутствует полемика касательно важнейших для иудейства маркеров принадлежности к нему — обрезания, соблюдения субботы и пищевых предписаний, выплаты храмового налога. Полное и окончательное размежевание с иудейством отражено, по Телльбе, лишь в творениях II в., причем если у св. Игнатия только констатируется несовместимость иудейства с христианством, то в «Диалоге с Трифоном иудеем» св. Иустина мы видим полномасштабную реинтерпретацию всего иудейского наследия и провозглашение этнически разнородной христианской Церкви истинным Израилем. Вообще, запад Малой Азии, и в частности Эфес, характеризуются исследователем как регион, развитие событий в котором сыграло решающую роль в «parting of the ways» («разделении путей». — *Ред.*) — размежевании между христианством и иудаизмом.

В третьей главе (с. 137–181) Телльбе исследует, каким образом формирование групповой идентичности осуществляется через размежевание с «чужаками», «внешними», которые в контексте данного исследования могут быть названы лжеучителями. В начале этой главы ученый кратко излагает основные положения трех современных социологических теорий, касающихся данного процесса (Social Conflict Theory (теория социального конфликта. — *Ред.*); Sociology of Deviance (социология девиации. — *Ред.*); Self-Categorization Theory (теории самокатегоризации. — *Ред.*)), а затем рассматривает его на материале двух Посланий к Тимофею, которые, с точки зрения Телльбе, наиболее показательны в дан-

---

⁵ Телльбе очень осторожен в вопросе об авторстве Пастырских посланий. Вопреки господствующей в западной науке тенденции он готов признать их принадлежность перу ап. Павла, но, насколько можно понять из данной книги, вопрос об их авторстве он не считает принципиально важным с точки зрения ее темы.

⁶ Иоанновские послания и Апокалипсис Телльбе рассматривает как творения разных авторов.

ном отношении. Автор показывает, как образ идеального верующего в данных посланиях представлен на фоне отрицательных характеристик лжеучителей. Эта глава представляется наименее удачной в книге. Во-первых, обзор современных социологических теорий, на взгляд рецензента, является здесь искусственно внедренным, излишним и ни в коей мере не обогащающим наше восприятие древних текстов. Он лишь создает иллюзию столь модной ныне междисциплинарности исследования, не давая никакого нового знания об исследуемом явлении. Во-вторых, ограничение рассматриваемого материала двумя Посланиями к Тимофею выглядит неоправданным, так как и другие исследуемые Телльбе тексты содержат много ценного в отношении рассматриваемой темы.

Значительно более интересной представляется четвертая глава книги (с. 183–238). В ней шведский ученый показывает, как в исследуемых им текстах осуществляется легитимация излагаемого учения через выдвижение на передний план прототипического идеального образа носителя традиции, почерпнувшего ее из первоисточника и обеспечивающего ее чистоту и сохранность. Телльбе выделяет три таких прототипических образа: Пастырь (Тим 1–2), Пророк (Откр) и Старец (Ин 1–3). Каждый из этих прототипов является выразителем определенного церковного идеала, и основным достоинством данной главы является то, что автору удается показать диалог этих идеалов и выявить, в каком отношении традиции Пастыря, Пророка и Старца могут считаться корректирующими одна от другого. Так, например, традиции Пастыря и Пророка объединяет внимание к проблеме взаимоотношений христиан с внешним миром, но позиции их по данной проблеме совершенно различны, Старец не интересуется данной проблемой, но сближается с Пророком в утверждении харизматических оснований христианской жизни в противовес более институционализированному, ориентированному на четкие иерархические структуры идеалу Пастыря. В начале II в. Игнатий Богоносец объединяет эти традиции с преимущественной опорой на традицию Пастыря, акцентируя необходимость единения всех христиан города под началом одного епископа. В конце этой главы М. Телльбе прослеживает следы влияния указанных традиций на западе Малой Азии на протяжении II в.

Пятая глава (с. 239–307) подводит итог всему исследованию, давая ответ на вопрос, что же объединяло христиан Эфеса при всех выявленных различиях местных традиций. В качестве первого объединяющего разные церковные группы и традиции фактора автор называет наличие контактов между разными общинами, осуществляемых через посредство разного рода странствующих проповедников и посланников и создающих своего рода «сети» общин (translocal networks). Этот аргумент вряд ли можно назвать особенно весомым, так как он касается лишь внешнего, формального единства, да и к тому же большой вопрос, объединяли ли подобные «сети» общины, принадлежащие к разным традициям. Гораздо важнее второй ответ М. Телльбе. Он указывает на наличие общей для всех рассматриваемых традиций и отраженной в каждом из исследуемых текстов священно-исторической и сотериологической нарративной схемы, подразделяемой им на десять пунктов и называемой им «историей Иисуса» (story of Jesus). Явленное в этой истории спасительное деяние Бога требует от человека подоба-

ющего ответа — «этического ответа» (ethical response), как его называет Телльбе. Этот ответ, который ученый схематически подразделяет на шесть положений, в своих принципиальных основаниях также оказывается общим для всех текстов рассматриваемого круга. Таким образом, налицо оказывается не только многообразие, но и единство эфесского христианского движения. К началу II в. это единство было выражено в богословски столь разработанном виде, что вполне можно говорить об Эфесе этой эпохи как о «центре ортодоксии». Этим утверждением книга М. Телльбе и заканчивается.

Давая оценку данной книге, следует сразу же отметить, что она касается такого предмета, а именно Церкви, возможности научного изучения которого ограничены. Церковь создается Богом при человеческом соучастии в деле этого созидания, и исследованию поддается именно человеческая составляющая Церкви. Такое человеческое исследование человеческого же явления мы и наблюдаем в рецензируемом труде. Это исследование проведено корректно и заслуживает высокой оценки. В нем с надлежащей степенью тщательности рассмотрены дошедшие до нас текстуальные свидетельства раннехристианских традиций, связанных с Эфесом, показано их многообразие и взаимодействие. Автор явно настроен дать слово прежде всего, самим источникам, а свои собственные суждения он высказывает осторожно и без склонности к крайностям. «История Иисуса» и требование «этического ответа», рассматриваемые им как факторы, объединяющие многообразие представленных в источниках традиций, очевидно, логически, да и хронологически, предшествуют самим этим источникам и в этом смысле могут даже квалифицироваться как некое указание на божественный элемент в деле созидания Церкви — они представляют то, что идет «сверху» и «изначально». Исторически же тенденция к организованному объединению многообразных традиций обнаружилась в лице св. Игнатия Богоносца, и характерно, что отношение к личности и богословию антиохийского святителя у М. Телльбе весьма уважительное, что вовсе не является само собой разумеющимся для протестантского автора. Труд шведского ученого является достойным вкладом в богословскую «эфесиану» и дает подготовленному и вдумчивому читателю много пищи для размышлений над проблемой единства и многообразия в Новом Завете.

*А. С. Небольсин
(ПСТГУ)*